Лилия Орланд

ПОПАДАНКА В 1812: ЛЮБИТЬ И НЕ СДАВАТЬСЯ

Попаданка в 1812

Лилия Орланд

Попаданка в 1812: Любить и не сдаваться

«Автор»
2026

Орланд Л.

Попаданка в 1812: Любить и не сдаваться / Л. Орланд — «Автор», 2026 — (Попаданка в 1812)

Я попала в прошлое, в 1812 год. Самый разгар войны с Наполеоном. Моё имение разорено солдатами французской армии. Мои люди убиты. Однако война подарила мне дочь и встречу с мужчиной, которого я могла бы полюбить.

© Орланд Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 27
Глава 6 31
Глава 7 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Лилия Орланд
Попаданка в 1812: Любить и не сдаваться

Посвящается
хорошему мальчику Тиме,
вместе с которым
мы начали писать эту книгу.
Жаль, что дописывать
пришлось уже без тебя...

Глава 1

Когда вернулся экипаж, я так и продолжала стоять, вглядываясь в расцвеченную далёкими всполохами темноту, где скрылся Лисовский.

– Всё, барышня? Домой поедем? – поинтересовался извозчик, вырывая меня из рассеянности.

– Да, я живу в общежитии рядом с госпиталем, – забралась внутрь, вся дрожа от переполняющих меня эмоций. Коснулась пальцами губ, горящих от поцелуя.

Всё произошло так быстро, почти мгновенно. Я не успела даже понять. Зато теперь вспоминала и думала, что могла бы иначе, больше, сильнее. Чтобы он понял, как много стал для меня значить. Но я стояла столбом, ошеломлённая и почти недвижимая.

Извозчик подстегнул лошадь. Я услышала сдавленные ругательства. Он тоже заметил всполохи дальнего пожара.

В общежитии я помчалась прямиком к Лизе. Заколотила в дверь.

– Лизавета! Открой!

– Кать, ты? – раздалось из комнаты.

– Я! Открывай!

– Чего орёшь, как оглашённая? – Лиза приоткрыла дверь, как всегда не впуская меня внутрь.

– Французы идут, через день-два здесь будут, – выдохнула я. – Уезжать надо.

Лизавета выглядела до странности равнодушной для той, кто услышал жуткую новость. Знала?

– Когда ты ушла, Францевич собрал всех и объявил, что утром пригонят подводы, вывозить раненых, – подтвердила она мою догадку.

– Госпиталь вывозят? Куда?

– На юг, подальше от дороги.

– Ну и отлично! – обрадовалась я. – Ты уже собираешь вещи?

– Я остаюсь, – устало произнесла она.

– Что?!

– Я останусь при госпитале, всех всё равно вывезти не успеют, а тяжёлых и нельзя.

– Лиз, ты чего? Нельзя оставаться! – с жаром начала я. – Говорят, наши их гонят, так они всё уничтожают на своём пути. Что не сожгли по дороге в Москву, жгут сейчас. На востоке зарево, и пушки я слышала.

Лизавета тяжело вздохнула, словно решаясь, и распахнула дверь.

– Заходи.

Я настороженно шагнула внутрь. В ноздри ударил застарелый запах болезни. Я растерянно огляделась. Из-за плотной ширмы, стоящей ближе к окну, выглядывал угол кровати. Вторая, аккуратно застеленная, стояла напротив, ничем не прикрытая.

Я вопросительно взглянула на Лизавету. Она кивнула, разрешая подойти.

На постели лежала пожилая женщина, высохшая и сморщенная. Однако её взгляд, устремлённый прямо на меня, был осмысленным. Я обернулась к Лизе.

– Матушка моя, – пояснила она устало. – Как удар хватил, так и недвижимая стала.

– Давно?

– Четыре года уже.

Теперь я поняла, почему коллега не приглашала к себе. И даже заглянуть внутрь не позволяла.

– Не брошу я матушку, Кать, – вздохнула Лизавета. – Кроме неё у меня никого нет.

Я не стала её переубеждать. Сама поступила бы так же. Да и кто смог бы оставить парализованную мать на произвол судьбы в оккупированном врагом городе?

А я должна вывезти своих девчонок.

– Госпиталь перевозят, и мы переезжаем вместе с ним, – сообщила с порога.

– Куда? – поинтересовалась Маша.

Её глаза загорелись предвкушением. Пятилетней девочке сложно сидеть в четырёх стенах маленькой комнатушки. Зато у Василисы новость не вызвала радости. Здесь ей было спокойно, она чувствовала себя в безопасности. А в новом месте, кто знает, что ждёт.

– Пока не знаю, – честно призналась я. – Но уезжать нужно в любом случае. На Дорогобуж идёт французская армия.

Вася побелела и осела на табурет. Я не хотела её пугать, но и скрывать правду не видела смысла. Всё равно узнает.

– Я утром уйду в госпиталь, а вы будете собираться. Лишнего не берите: тёплые вещи, еда. Вась, хорошо бы того хлеба твоего из овощей напечь, чтобы перекусить по дороге.

– Хорошо, барышня, напеку, – кивнула Василиса. – Как раз сушка ещё осталась.

Испуг сменился мыслями о хозяйственных хлопотах. Вот и ладненько, пусть займётся делом. Меньше будет времени бояться.

Уснуть я не могла долго. Думала об Андрее, его поцелуе, обещании найти меня. Тепло сменила тревога. Как он там? Раненый. Бережёт ли ногу? Впрочем, ответ на этот вопрос я знала и так. Лисовский не станет беречься и прятаться за спинами других.

Мне снилось, как он встаёт на пути французской армии. А Наполеон, каким его изображают в учебниках истории, смазывает саблю ядом и бросается на безоружного Андрея.

Проснулась я с первым ударом колокола на Вестовой башне. И все семь раз, что он звонил, пыталась выровнять дыхание. Это только сон. С Лисовским ничего не случится. Он обещал, что найдёт меня. И он сдержит своё обещание.

Я верю.

В госпитале царила суматоха при свете масляных фонарей. Лёгкие раненые собрались в холле, одетые и с вещами. Францевич выговаривал усатому толстяку по поводу телег, которые должны были приехать с утра, а сейчас выяснилось, что не раньше полудня.

– Так утро-то оно долгое, – пробасил усач.

Главного доктора аж перекосило.

Мы с Лизой пришли почти на полчаса раньше и застряли внизу, чтобы выяснить обстановку, которая накалялась с каждой минутой. Заходившие в дверь сотрудники останавливались за нашими спинами и вполголоса расспрашивали, что происходит. Лизавета так же вполголоса поясняла.

Карл Францевич был человеком интеллигентным, но склонным к вспышкам гнева, если всё шло наперекосяк. Вот как сейчас.

– Надо расходиться, – шепнула я, – а то сейчас и нам прилетит.

В этот момент взгляд Штерна остановился на работниках, кучно сгрудившихся у двери. Мне показалось, он даже обрадовался, что можно выплеснуть гнев.

– Ну всё, – прошептала я.

– Чего столпились? Вам заняться нечем?! – с немецким акцентом, проявлявшимся как раз в такие минуты, напустился на нас главврач. – Так я сейчас найду занятие.

Я почувствовала движение позади. Коллеги рассасывались, пользуясь прикрытием наших с Лизой спин. Однако скосив взгляд, я заметила, что соседка тоже незаметно испарилась.

– Вы! – кивнул Францевич на меня. – Идёмте со мной.

У меня от страха вспотели ладони. Я даже дышать перестала. Чего он хочет? Уволит меня? Скажет, в ваших услугах больше не нуждаемся, возвращайтесь в свою усадьбу?

И что тогда нам делать? Куда идти?

Нет, нельзя ему позволить. Он не может выгнать меня сейчас. У меня же девчонки. Что будет с ними? Со всеми нами.

Я следовала за главврачом по больничному коридору и подбирала аргументы против моего увольнения. Работу я выполняю хорошо. Если нужно, задерживаюсь после окончания смены. В ночную не выхожу, потому что у меня ребёнок. Это сразу обговаривалось…

И тут до меня дошло. Машка. Кто-то наябедничал Штерну, что я брала с собой малявку. Но это ведь было только в первые дни, пока не выписали Васю. Почему тогда он не уволил меня раньше?

Когда Францевич остановился у двери своего кабинета, я уже вся извелась. Догадки, одна другой ужаснее, теснились в голове.

– Что-то вы бледная, нездоровы? – он открыл дверь и внимательно посмотрел на меня.

– Нет-нет, я вполне здорова, благодарю, – прошелестела пересохшими губами.

– Тогда проходите, садитесь, – Штерн указал на стул для посетителей.

Я опустилась на самый краешек, сложив руки на коленях, как благовоспитанная барышня или, скорее, школьница в кабинете директора.

– Екатерина Павловна Повалишина, верно? – уточнил главврач. Я кивнула. – Не довелось с вами раньше познакомиться. Однако лекари отзываются о вас как о расторопной и толковой помощнице, способной принимать самостоятельные решения, когда это необходимо. Вы ведь дворянка?

Я снова кивнула, совершенно не понимая, к чему он клонит. Или всё-таки увольняет? А похвалил, чтобы вроде как подсластить пилюлю?

Решиться и спросить сама не могла, не хватало смелости. Если меня, и правда, увольняют, пусть я узнаю на полминутки позже. Постараюсь морально подготовиться.

Францевич встал и подошёл к окну. Снаружи почти рассвело. И пять свечей, горящих в канделябре, можно уже и потушить бы из экономии. Уверена, главврач так и поступил, если б его мысли не были заняты более важными вопросами.

– Когда вражеская армия проходила через Дорогобуж два месяца назад, – наконец продолжил Штерн, вновь повернувшись ко мне, – французы не слишком зверствовали – спешили. Да, убивали, грабили и жгли дома – не без этого, но в основном мародёрствовали солдаты, отставшие от основного потока. Ещё отряды снабжения, которым не понравилась несговорчивость наших крестьян.

Главврач вздохнул и снова посмотрел в окно. Пауза затягивалась. Он словно забыл обо мне. Похоже, не собирается увольнять.

– Карл Францевич, – я подала голос, осмелев.

– Да, – согласился он. – И вот теперь они идут обратно. Не получив того, чего так страстно желали – поставить Россию на колени. Вы ведь понимаете, Екатерина Павловна, что разочарованный враг во много крат злее врага, окрылённого ожиданием победы?

– Понимаю, – если окрылённые французы творили такое, страшно представить, что устроят разочарованные.

– Поэтому нам необходимо вывезти всех, кого можно. Времени мало. Два дня, а то и меньше. Нужны люди, подводы, а главное – силы, организовать порядок в этом хаосе. Понимаете?

Я честно покачала головой, потому что понимала всё меньше.

Францевич вздохнул.

– Я не могу заставить, только просить. Сегодня согласился Пётр Емельянович, он мужик крепкий, опытный, но на завтра ни в какую. Мне стыдно просить о таком женщину, но больше некого. Вот совсем некого. Сам бы пошёл, да не могу госпиталь оставить.

– Вы хотите, чтобы я ушла с завтрашней партией раненых? – наконец дошло до меня.

– Чтобы вы возглавили завтрашний исход, – поправил меня Штерн.

– Что? – подобного я никак не ожидала. – Но я ведь не лекарь, у меня нет опыта, да и вообще…

Я повела рукой, обозначая это самое «вообще».

– Голубушка, Катерина Павловна, говорю же – некого, поразбежались. Петухов завтра согласился единственный из лекарей, кто не остаётся в городе. Он при раненых будет, а вся остальная организация ляжет на ваши плечи. Вы же дворянского сословия, в вас заложено умение управлять.

Голос у него стал едва ли не умоляющим. И я поняла, что тоже могу кое о чём попросить.

– Я согласна, но при одном условии.

– Каком же? – Францевич заинтересованно приподнял брови.

– Если моя дочь с горничной уедут сегодня.

– Это можно устроить, – Штерн так явно обрадовался, что становилось понятно, он ожидал большего. И, похоже, пошёл бы на что угодно, раз ему действительно некого отправить.

– Тогда вы можете на меня рассчитывать, – я поднялась. – Если это всё, пойду помогать.

– Да, идите, – кивнул он, добавив, когда я уже выходила: – Благодарю, что согласились.

Я не стала отвечать, что благодарность в карман не положишь. Раз вывозят организованно, значит, будет горячее питание, а это уже очень много в нашей ситуации.

К полудню доставили подводы. И я побежала в общежитие.

– Я без тебя не поеду! – заявила Машка, по-взрослому скрестив руки на груди. И где только высмотрела?

– Барышня, никак нам нельзя сегодня ехать, – поддержала её Василиса, – хлеба ещё не готовы, я только поставила. Вот завтра самое оно.

– Никаких завтра! – оборвала я рассуждения. – Вы обе едете сегодня.

– Как же хлеб, вы ж сами сказали… – у Васи сделалось обиженное лицо.

Я вздохнула. Ведь недавно ещё не смела мне перечить.

– Вы сейчас же одеваетесь и идёте со мной. Я вас очень прошу. Французы уже близко. Я не смогу выполнять свою работу, если мне придётся волноваться за вас.

– А мы будем волноваться за тебя! – выкрикнула малявка. – Я без тебя не поеду!

И расплакалась.

Вместо того чтобы быстро собраться и идти в госпиталь, пришлось успокаивать Машку и уговаривать Василису. Я пообещала, что допеку эти её хлеба и привезу им через два дня, когда прибуду на место сбора.

С Марусей было сложнее. Мы с ней ещё не расставались, если не считать мои смены в госпитале. Но тут она знала, что вечером я вернусь, выслушаю, как прошёл её день, расскажу сказку. В общем, буду той самой мамой, которой ей так не хватало прежде. Разумеется, она боялась меня потерять. Но и я её тоже.

Именно поэтому нам придётся расстаться.

– Машенька, ты будешь с Васей, она за тобой присмотрит. Ничего плохого не случится. Обещаю!

– А как же ты? – малявка подняла зарёванное лицо.

– А я выйду завтра утром с другой группой раненых.

– Почему нельзя вместе?

– Понимаешь, места на всех не хватит. Только вам с Василисой.

– Пусть она едет завтра, а ты со мной.

– Маша, ты что? – я сделала вид, что шокирована её словами. – Ты оставишь Васю без присмотра? Она же только поправилась. Её нельзя оставлять одну.

Аргументы подействовали. Мари согласилась, что Василисе нельзя ехать одной, её снова могут обидеть. Придётся за ней присмотреть.

Времени на уговоры ушло намного больше, чем я рассчитывала. К счастью, горничная в это время складывала необходимые вещи на простыню, которую затем завязала узлом.

В госпиталь мы бежали. Я очень надеялась, что Штерн сдержит обещание, и без моих девчонок не уйдут.

Волновалась я зря, погрузка ещё была в самом разгаре. Главврач ругался с тем же усатым толстяком. Похоже, подвод ожидалось больше, чем прислали. Лекари распределяли раненых. Те возмущались. Мест действительно не хватало.

Плюс ещё кто-то рассказал родне, те знакомым и соседям. Во двор набилось посторонних с баулами и даже тележками.

Жители спешили покинуть город, но в одиночку, без охраны мало кто решался двинуться в путь. Надеюсь, завтра не будет подобного столпотворения. Не знаю, как Пётр Емельянович, а я вряд ли сумею справиться с такой толпой.

Францевич был человеком слова. Поэтому подошёл к нам, чтобы лично вручить моих девчонок сопровождающему.

Пётр Емельянович оказался коренастым мужиком лет пятидесяти. Когда-то тёмные волосы высветлила частая седина, она же сверкала в пышных усах и бороде. Я его видела пару раз в госпитале, но лично знакомы не были.

– Прохоров, эти две барышни поступают под твою личную ответственность, – Штерн указал на Машку с Васей. – Чтоб в целости и сохранности довёз.

– Довезу, чего не довезти-то, – он скользнул взглядом по девчонкам, запоминая, и сообщил: – К своим посажу, всё веселее будет.

Пётр Емельянович тоже вывозил свою семью – жену, дочь-подростка и сына примерно Машкиного возраста.

– Стёпка, невесту тебе привёл, принимай, – хохотнул Прохоров, поднимая полотно, закрывающее повозку.

Я заглянула внутрь, проверяя, как устроятся мои девочки. Почти всё было заполнено тюками, оставляя людям совсем немного пространства. Однако жена Прохорова приветливо улыбнулась и подвинулась, освобождая место.

Василиса, обернувшись на меня и дождавшись моего кивка, села рядом с ней. Маруся, двигавшаяся следом, вдруг развернулась и выскочила из кибитки, бросившись мне на шею.

– Кати, миленькая, пожалуйста, можно я с тобой?! – обхватила меня, крепко вцепившись маленькими пальчиками.

– Маш, ты должна присматривать за Васей, помнишь? Её нельзя отпускать одну.

Маруся закивала, не отпуская меня.

– Мы встретимся через два дня.

– Обещаешь?

– Обещаю, – я поцеловала её и подсадила в повозку.

А потом смотрела вслед с тяжёлым сердцем. Мне тоже было сложно отпускать её от себя. Но так будет лучше. Для нас обеих.

– Ну что, отправила? – Лиза остановилась рядом, в руках она держала таз с выстиранными бинтами.

У нас и правда почти не осталось персонала, раз Лизавета сама занимается стиркой.

– Давай я развешу, – забрала у неё таз.

Хватит переживать. В госпитале полно работы.

Глава 2

До вечера мы занимались подготовкой к завтрашнему отъезду. Упаковывали лекарства, инструменты, перевязочный аппарат – всё, что понадобится больным и раненым на новом месте. Ведь неизвестно, когда мы сможем вернуться, поэтому нужен хороший запас. Лучше потом привезём назад, чем чего-то не хватит.

Домой мы с Лизой вернулись часам к девяти. Уставшие настолько, что не было даже сил разговаривать по дороге. Так и шли в полном молчании, спугнув одинокого прохожего, когда неожиданно вышли под свет фонаря.

В комнате было пусто и холодно. Мне хотелось забраться под одеяло и спать до самого утра, но я помнила о данном Васе обещании. Раз сказала, что сама испеку хлеб, значит, испеку.

Пришлось раздеваться и топить печь. Потом захотелось есть. Я нашла оставленные мне остатки супа и разогрела на плите. После ужина спать захотелось с новой силой.

Я сделала над собой усилие, умылась холодной водой и принялась за «хлеба´», как назвала это Василиса. В накрытой полотенцем миске лежала какая-то серо-буро-малиновая гадость, мало походившая на тесто. Я осторожно понюхала и скорчила брезгливую гримасу. Однако я не большой эксперт в области хлебопечения. Раз Вася сказала, что это можно есть, значит, можно. К тому же она уже не в первый раз готовила такое тесто, и прежде всё получалось.

Решив, что «хлеба» – это множественное число, я разделила тесто на две части, дождалась, когда прогорят дрова, и поставила сковородку на красные угли. Надеюсь, я всё делаю правильно, и через два дня, когда мы встретимся, Василиса похвалит мои кулинарные способности.

С трудом выдержав время, которое, на мой взгляд, необходимо хлебам, чтобы пропечься, я вытащила их на плиту. Выглядели они, мягко говоря, не очень. Потыкав один из хлебов тонкой щепочкой, я подумала, что им нужно ещё постоять.

Угли уже прогорели. Однако печь была горячей. И я решила оставить их до утра. Просто сил уже не оставалось совсем, глаза закрывались. Думаю, никуда они не убегут.

Уснула мгновенно. Казалось, только закрыла глаза, а колокол на Вестовой башне уже принялся звонить.

На завтрак девочки оставили мне немного шоколада. Однако я не хотела возиться с печкой, теряя время, поэтому завернула кусочки в чистую тряпицу и положила в карман. В госпитале попью чай с Лизой.

О хлебах вспомнила уже перед выходом. Достала сковороду. На ней лежали два булыжника алмазной твёрдости. Хочешь – гвозди забивай, хочешь – стены сверли.

Я усмехнулась, кажется, Вася меня не похвалит.

Холл сегодня был пуст. Все «лёгкие» уехали вчера, а «средние» не спешили бегать по лестницам, пока их не позовут и не помогут.

С рассветом пришёл туман – холодный, серый и липкий, словно паутина. Он накрыл город, окутал дома и деревья, заполнил улицы. Шагах в десяти уже было ничего не разглядеть.

Во двор выскочил Францевич в распахнутом сюртуке, обхватил голову руками и стоял так с полминуты. Затем побежал вдоль здания и скрылся в тумане.

Я как раз подошла к окну, проверить, не подъехали подводы. Однако кроме Штерна там никого не было.

– Лиз, чего наш главный по улице без пальто бегает?

– Бегает? – переспросила Лизавета. – Ты уверена? Ни разу не видала.

Она подошла к окну.

– Он за угол убежал, – сообщила я.

– Кать, – голос коллеги был напряжённым, – а где подводы?

– Нет ещё, может, ждут, когда туман рассеется?

– Может, – неуверенно согласилась Лиза.

Отсутствие каких-либо новостей сначала вызывало недоумение, затем – тревогу. Пациенты, которым накануне сообщили, что сегодня отправляемся в безопасное место, начали нервничать, задавать вопросы. А ответов у нас не было.

Я пошла к Францевичу. На стук он не ответил. Тогда я толкнула дверь. В кабинете было пусто. Неужели он ещё не вернулся? Холодно же без пальто.

В этот момент в коридоре раздались шаги. Я не успела покинуть кабинет и раздумывала, как объяснить, что здесь делаю.

Однако Штерн прошёл мимо, даже не взглянув на меня. От мороза у него покраснел нос и руки. Он с размаха опустился на свой стул. Покачал головой, а затем посмотрел на меня.

– Подвод сегодня не будет, – выдохнул он.

– Что значит, не будет? – я не сразу поняла, что он имеет в виду. Ведь мы должны выехать сегодня. У нас всё готово, осталось только погрузить медикаменты и раненых.

– Их нет, – главврач пожал плечами с совершенно растерянным видом. А потом признался: – Я не знаю, что делать. Мы не сможем никого вывести.

Из-за акцента, проявлявшегося в моменты сильного эмоционального волнения, я поняла, что Францевич в полной растерянности.

– И как нам быть? – осознание накрывало меня медленно. Я отпихивала его изо всех сил, не желая верить. Я должна сегодня отправиться следом за Машей. Я обещала.

Ноги ослабели. Пришлось опуститься на стул.

Мы с Карлом Францевичем смотрели друг на друга, объединённые ужасом понимания.

Дверь распахнулась без стука. В кабинет ворвался вчерашний толстяк с усами.

– Францыч, Францыч, нашёл я тебе телеги. Завтра будут.

– Как завтра?! – вырвалось у меня.

И в этот момент невдалеке громыхнуло, сотрясая здание. Спустя пару секунд грохот повторился.

– Землетрясение? – спросила я, чувствуя, как сдавливает грудь.

– Пушки это, сударыня, – ответил толстяк.

Начав громыхать, пушки почти не замолкали. Один раз ударило достаточно близко. Зазвенели окна. Единственные часы на этаже упали и разбились вдребезги.

Началась паника. Из оставшегося медперсонала большая часть помчалась к выходу.

Призывы Петухова и Штерна никто не слышал.

Мы с Лизой старались организованно перевести наших подопечных на первый этаж. Но те из раненых, кто мог передвигаться самостоятельно, тоже последовали примеру работников госпиталя.

– У нас есть подвал? – спросила я. – Мы могли бы спрятаться там.

– Нет, – покачала головой Лиза, с которой мы стояли рядом, наблюдая за мужчиной с перевязанной ногой.

Повязка, закрывавшая всю голень и колено, уже пропиталась кровью. Однако раненый ковылял, не обращая внимания на боль, так спешил убраться из госпиталя.

Я вспомнила о Лисовском. Он так же игнорировал свою рану, только бежал не от войны, а на неё.

– Почему они убегают? – я кивнула на мужчину.

И главный вопрос – куда? В городе нет бомбоубежищ, просто потому что ещё не придумали бомб. Подвалы есть не в каждом здании. А если и есть, большинство раненых не местные. Куда они стремятся? На улице мороз. Да и туман от ядер не спрячет. Логичнее переждать

артудар, или как это называется, под крышей больницы, а потом уже думать, где укрыться от французов.

К тому же толстяк, спешно покидая кабинет Францевича, обещал, что в лепёшку разобьётся, но достанет нам подводы. Сегодня. Так что мы ещё можем уехать до захода армии в город. По крайней мере, мне хотелось надеяться.

– Потому что они солдаты, воевавшие с французами и убивавшие их. А те берут в плен только на поле боя. И сносно относятся лишь к дворянам, говорящим на их языке. С остальными творят страшные вещи. Ходят слухи…

Очередной взрыв тряхнул госпиталь. С потолка посыпалась штукатурка.

– Близко бьют, – заметил один из раненых.

– С чего это близко? – возразил другой. – Наши двенадцатифунтовки на две с лишним версты бьют. И полпудовый «единорог» недалеко отстаёт.

– Так то наши, – встрял третий. – А хранцузы эти проклятущие, когда пошли на нас специальных пушек наотливали, лёгких, чтоб, значить, не тяжело таскать по нашим лесам.

– Фомич дело говорит, – подключился ещё один. – У них гаубица на полторы версты достаёт. А пушка на версту бьёт, не боле.

Мужчины начали спорить о преимуществах и недостатках лёгкой и тяжёлой артиллерии, пытаясь по звуку определить орудие и вес снаряда. А я увидела, как в сторону штерновского кабинета спешит давешний толстяк.

– Лиз, я пойду, разузнаю, что там с подводами, – шепнула коллеге и поднялась.

В пылу спора почти никто не заметил моего ухода. А я поспешила за толстяком.

По его примеру стучать не стала, сразу открыла дверь.

– Еле уговорил, – рассказывал толстяк. – Он уже добро своё грузил. Говорит, раз на пути туда не тронули, мимо прошли, дескать, на обратном точно пожгут.

– А коли и пожгут, не велика беда, – зло ответил Францевич, – тут живые люди против ковров да картин.

– Вот и я ему так сказал, – поддержал толстяк, поправившись: – Ну почти так.

– Значит, будут подводы? – обрадовалась я.

Штерн посмотрел на меня, словно только заметил. А толстяк улыбнулся.

– Будут, сударыня, будут. Через час-другой подъедут.

Он не угадал. Солдаты пришли раньше.

Сначала раздались выстрелы. Тут и там кричали люди. Тонко, но жутко завыла собака и вдруг смолкла.

Пушки не затихали. Не знаю, мортиры это были или гаубицы, и насколько лёгкие, били они теперь вглубь города. По жилым домам. По людям. По тем, кто не успел, или кому некуда было бежать.

Мной тоже овладела паника. Почему я не ушла, пока была такая возможность? Зачем осталась в госпитале? Я ничего не могу сделать для этих людей. Только сгинуть с ними вместе.

Меня била дрожь. Пальцы непроизвольно царапали кожу.

Я обещала Маше, что мы встретимся через два дня. Она будет ждать. И что если не дождётся? Малявка уже потеряла гувернантку. С отцом она вряд ли когда-то встретится. Я для неё – единственный родной человек во всём мире. И так подвела…

Внутри воцарилась тишина. Мы сидели на полу, прижавшись друг к другу, и вслушивались в творящийся на улице хаос.

Громыхнул выстрел, зазвенело стекло, разлетаясь на сотни осколков. Один воткнулся в шею мужчины, сидевшего напротив окна. В его глазах мелькнуло удивление. Рука будто бы по своей воле выдернула стекло. Хлынула кровь.

Я бросилась к нему. Прижала ладони к ране.

– Лиза, бинты! – крикнула через плечо.

В этот момент в госпиталь ворвались солдаты. Холл заполнился французской речью. За моей спиной что-то гремело, стучало. Кто-то кричал. А я продолжала давить на рану, глядя в мутнеющие глаза незнакомого человека.

Как вдруг меня оторвали от него. Грубо швырнули на пол. Француз ударил ногой, заставляя отползать, пока я не наткнулась на кого-то. Лишь тогда солдат оставил меня в покое. И по примеру ещё троих нацелил на нас винтовку.

Французы захватили госпиталь за считанные секунды, не встретив никакого сопротивления. Оружия у нас не было, а корпией много не повоюешь.

Раздававшиеся на этажах одиночные выстрелы, говорили, что «тяжёлых» вражеские солдаты не пожалели.

Последним в госпиталь вошёл французский офицер. Я не разбиралась в чинах, но его форма отличалась от остальных. Да и почтение, которое ему оказывали, подтверждало, что это командир.

– *Que faire de ceux-ci, M. Lieutenant?*[1] – спросил один из подбежавших к нему солдат.

Офицер скользнул по нам полным презрения взглядом и произнёс:

– *Avec les russes? Tuer tous les russes.*[2]

– *Juste là? Vous vouliez passer la nuit ici*[3] – сказал другой.

Офицер задумался на полсекунды, не более, и ответил:

– *Tu as raison, les cadavres vont se coincer sous les pieds. Amenez-les avec pierre aux arbres.*[4]

Затем направился к лестнице. С ним ушли и остальные. Внизу остались двое: тот, кто пинал меня, и ещё один, держащий нас на прицеле. При помощи винтовок они показали нам, что нужно встать.

Мужчина из послеоперационных, которому я утром меняла повязку, не смог подняться самостоятельно. Осколок снаряда распорол ему левый бок, к счастью, не задев ничего жизненно важного, и сломал два ребра. Однако французов не интересовали такие детали. Прикрикнув на раненого, солдат ударил его ногой, попав в левое плечо. Мужчина взвыл от боли, а я, позабыв обо всём, бросилась к нему.

– Не надо! Не делайте этого! – успела прикрыть раненого собой, прежде чем сапог ударил второй раз.

Мне прилетело острым мыском в бедро. Я стиснула зубы, но стон прорвался наружу. Этому изуверу нравится причинять боль.

– *Si vous ne vous levez pas tout de suite, je vous tirerai tous les deux ici!*[5] – выкрикнул он.

Я не понимала слов, но и по интонации можно было догадаться, что француз достаточно разозлён, чтобы убить нас на месте.

– Вставайте, надо встать, иначе нас убьют, – скороговоркой зашептала я.

– Они и так нас убьют, – сдавленно ответил мужчина, тем не менее, поднимаясь на ноги с моей помощью.

Отпуская его, я заметила, что одежда испачкана. Мои руки были красными от крови, как и рукава пальто. Я на время позабыла, что пыталась спасти человека. Но теперь он сидел у стены с остекленевшим взглядом. Может быть, ему даже повезло. Он умер быстро, не успев осознать всю кошмарную неотвратимость своей судьбы.

Я же чувствовала, как меня заполняет дикий ужас. Каждый сделанный шаг приближал к смерти. И вовсе не в метафорическом смысле.

---

[1] *– Что делать с этими, господин лейтенант?*

[2] *– С русскими? Всех русских убить.*

[3] *– Прямо тут? Вы ведь хотели заночевать здесь.*

[4] *– Ты прав, трупы будут мешаться под ногами. Отведите их с Пьером к деревьям.*

[5] *– Если ты сейчас же не встанешь, я пристрелю вас обоих прямо здесь!*

Шагах в пятидесяти от госпиталя начинался небольшой лесок. Раскидистый кустарник переходил в часто стоящие деревца. Нас вели туда, подталкивая ружейными дулами.

Внутри всё сжалось, сужая мир до этого леска. Взгляд блуждал меж деревьями, стремясь предугадать, где всё случится.

Прости, Машенька, я тебя подвела.

До кустарника оставалось несколько шагов. Я уже видела впереди извилистую тропинку. И надеялась, что нас поведут по ней, глубже в лес. Дадут ещё немного времени на жизнь. Сделать ещё глоток воздуха. Услышать, как хрустит снег под ногами. Проследить взглядом за полётом птицы.

Выстрелы раздались неожиданно. Краем зрения я заметила, как упали двое. Замерла, ожидая повторного залпа. Сжалась, сомкнула челюсти, зажмурилась, чувствуя, как сквозь веки просачивается горячая влага.

Справа от меня колыхнулся воздух. Что-то будто рассекло его, вызвав лёгкий присвист. Но это шло со стороны леса, поэтому я даже не обратила внимания, ожидая выстрела в спину.

Однако секунды сменяли друг друга, а выстрелов всё не было. Зато со стороны деревьев раздались голоса.

– Давай живее уже, пока в окошко никто не глянул!

– Гони их в лес, чего застыли?

Удивлённая, я открыла глаза. Из-за кустарника выскочили несколько человек.

– Быстро все в лес! – скомандовал один и, видя наше замешательство, начал подпихивать в спины. Но не ружьём, а ладонями.

Я обернулась. Двое мужчин подхватили тела солдат и потащили к кустам. Другие двое – застреленных наших.

– Да что ж вы спите на ходу?! – из-за кустов выбежал ещё один мужчина.

Его голос заставил меня повернуться.

– Харэ´ стоять, як лобань на нересте, или желаете французов дождаться? Тады стойте, мешать не буду! – в противовес своим же словам казачий урядник Фёдор Кузьмич Лях схватил за руку находившуюся ближе всего к нему Лизавету и потянул за кусты.

Лишь тогда я отмерла. Бросилась за ним. А догнав, обхватила руками, прижалась лицом к груди и разрыдалась.

– Ну-ну, Катерина Павловна, голубушка, не вовремя вы волю слезам дали. Тикать отсюда надобно. Французы, как прознают про своих, вдогонку кинутся.

Я кивнула, понимая его правоту. Вытерла глаза рукавом, стараясь взять повыше, где не было крови. И, справившись с собой, начала помогать. Ближайшим ко мне оказался тот самый мужчина, которого я пыталась закрыть собой в госпитале. Подхватила его под правую руку, позволяя опереться на меня, и, как могла, поспешила за Ляхом, тоже тащившим на себе одного из раненых.

Лесок мы преодолели минут за десять. За ним оказалась наезженная дорога, на которой ожидали с десяток подвод.

– Вы волшебник, Фёдор Кузьмич? – вздохнула я, чувствуя переполняющее меня облегчение.

Мы выжили. Спаслись, благодаря чуду и отряду казачьего урядника.

– Никак нет, Катерина Павловна, какое уж тут волшебство, – Лях поправил усы. – Опыт подсказал, что не след соваться с подводами в госпиталь, а сначала разведать обстановку.

– Вы очень удачно разведали, – улыбнулась я, помогая раненому лечь и говоря уже ему: – Ну вот, а вы говорили, что нас убьют. Чудеса случаются!

– Случаются, – он слегка улыбнулся побелевшими губами. Этот марш-бросок дался ему нелегко.

– Отдыхайте, – посоветовала я, – теперь всё будет хорошо.

Глава 3

Подвод было больше, чем раненых, поэтому разместились все. Только Лизавета осталась стоять на обочине.

– Лиз, ты чего? Садись, – я похлопала по соломе рядом с собой.

Она медленно покачала головой.

– Садись, милая, – мягко, как я от него прежде не слышала, произнёс Кузьмич. – Поспешать надобно. Не ровён час вражины эти разнюхают, куда мы скрылись.

– Езжайте, – она махнула рукой. – У меня мать в городе. Я должна остаться с ней.

Лях несколько секунд смотрел на неё, а затем крякнул с досады.

– Береги себя! – велел Лизавете и понукнул коня.

Она так и стояла на обочине, глядя нам вслед. Я понимала, как она хочет уехать с нами, подальше от рвущихся снарядов и пуль. Но преданность близкому человеку была сильнее страха.

Я обернулась в последний раз на её одинокую фигуру. Над Дорогобужем, почти по всей территории, поднимались столбы серого дыма. Однако грохот взрывов становился всё тише, пока не смолк окончательно, сменившись хрустом снега и всхрапыванием лошадей.

Люди молчали, погружённые в тяжёлые раздумья. Спасённый мной солдат потерял сознание, и Петухов поспешил ему на помощь. Окинув обоз взглядом, Мирон Потапыч позвал меня.

Повязку снимали бережно, ведь у нас не было ни медикаментов, ни перевязочного аппарата. Весь запас, что мы собрали, остался французам. Надеюсь, наши мази станут для них ядом.

Когда я убрала бинты и корпию, взгляд Петухова застыл. Я знала, что это значит.

– Сломанное ребро проткнуло лёгкое. Ему уже не помочь, – Мирон Потапович медленно покачал головой. – Ироды.

Я начала закрывать изувеченную ударом сапога рану.

– Оставь, Катерина, это не нужно, – он коснулся моей руки.

Однако я упрямо продолжила своё дело. Не могла оставить, как есть. Просто не могла.

Петухов ничего не сказал. Отвернулся, угрюмо нахохлился, сунув ладони в рукава. А я держала за руку умирающего человека, имя которого так и не узнала. Смотрела на него и почти не видела. Слёзы смазывали картинку.

Ехали быстро, насколько позволяла дорога, кое-где разбитая по теплу тележными колёсами и теперь похожая на ледяной лабиринт для лилипутов. Такие места мы объезжали по обочине. Ведь мороз был не слишком сильный, и под ледяной коркой скрывалась та же топкая грязь.

Во время таких задержек Кузьмич посылал своих партизан на разведку. И уже в сумерках один из парней принёс хорошую весть – поблизости расположена небольшая деревня.

Мы воспрянули духом. Все замёрзли, устали, дико хотелось есть. И ночлег в тёплой избе виделся много предпочтительней ночёвки в лесу.

К деревне мы подъехали почти в темноте. Если бы молодой партизан не указывал путь, проехали б мимо. Свет не горел ни в одном доме. Из труб не шёл дым. Не лаяли собаки. Ни голоса, ни звука.

Деревня казалась вымершей.

От нехорошего предчувствия у меня зашевелились волоски на коже. Кузьмич велел остановиться и долго думал или слушал. Затем взял с собой двух человек и пошёл проверить, а нам сказал сидеть тихо.

Темнота поглотила их мгновенно. Поначалу я ещё слышала скрип снега под ногами и тихие голоса, затем всё смолкло.

Люди сидели в полной тишине, вглядывались в едва различимые абрисы крыш на фоне звёздного неба. Лошади, такие же уставшие и голодные, как мы, недовольно всхрапывали, чуя близость жилья и не понимая, почему мы торчим на морозе, вместо того чтобы скорее попасть в заветное тепло.

– Можно ехать, – раздавшийся из темноты голос заставил меня испуганно ахнуть.

Я тут же зажала рот ладонью и почувствовала запах крови. За весь день мне так и не представилось возможности тщательно вымыть руки. Протирание снегом ничего не дало. Он только царапал кожу, разбавляя красное до розового.

Тишина угнетала. А темнота лишь усиливала напряжение, не позволяя ничего разглядеть.

Вдруг оступилась и тонко заржала перепуганная лошадь. У меня сердце ушло в пятки. Возница с трудом успокоил животное и слез посмотреть, что у нас на пути.

– Кажись, корова, – сообщил он минуту спустя, – дохлая.

– Надо оттащить в сторону, – предложил другой, тоже покидая подводу. – Лошадки у нас простые, мертвяков боятся.

К ним присоединились ещё двое. Впереди послышалась возня и ругань. Первый мужик грозился бросить это всё и уехать в лесную глушь, потому что с волками жить проще, чем с людьми.

И в этом я была с ним согласна. С волками, как минимум, понятно, чего ждать. А вот люди полны сюрпризов. И обычно неприятных.

У третьего или четвёртого дома нас остановил Кузьмич.

– Здесь заночуем, – сообщил он.

Я с облегчением покинула подводу и слушала, как хрустит снег под моими ногами, затёкшими от долгого сидения.

Большинству раненых требовалась помощь, чтобы добраться до дома. А мне требовался хоть какой-нибудь источник света, кроме звёзд, отражавшихся от сугробов.

Несмотря на протоптанную партизанами тропинку к крыльцу, было заметно, что снег здесь давно не чистили. Словно из дома никто не выходил. Или, наоборот, его давно покинули.

Внутри Кузьмич разрешил запалить лампу, потребовав держать её в углу, подальше от окон.

– Огонь разводить нельзя, – остановил он меня, когда я полезла под шесток за дровами.

– Здесь очень холодно, люди и так промёрзли, им нужно тепло, – попыталась возразить.

Однако Лях был непреклонен.

– В такую тишь француз запах дыма за версту учует, если не за две. Под крышей не помёрзнете, а мои хлопцы одёжи тёплой пошукают.

– И еды, – попросила я. – Все наши запасы остались в госпитале.

– Всё будет, – пообещал Кузьмич, прежде чем снова раствориться в темноте деревенской улицы.

А мы занялись обустройством ночлега. Казак выбрал, похоже, самую просторную избу. Здесь было четыре комнаты и большая кухня. Места хватит для всех.

Однако с кроватями возникли сложности – они нашлись только в двух комнатах. В остальных у стен стояли широкие лавки. Впрочем, нам ли жаловаться? Видимо, я успела избаловаться за прожитое в общежитии время.

К тому же в сундуках мы обнаружили тюфяки, набитые соломой, и шерстяные одеяла. На всех не хватало, однако Кузьмич обещал принести ещё.

Мы с Петуховым устроили раненых на кроватях и лавках.

– Отдыхайте пока, мы поищем еды, – пообещала нашим подопечным и вместе с доктором отправилась в кухню.

Здесь стоял большой стол, который с трёх сторон окружали узкие лавки для сидения, а из-под четвёртой, обращённой к печи, выглядывали три табурета. Я отодвинула занавеску, скрывающую запечное пространство, и увидела, что на лежанке есть тюфяк. А ещё сушатся валенки.

– Мирон Потапович, вы тоже отдохните, – предложила Петухову, кивнув на печь. – День был долгий. А еды я и одна поищу, с фонарём это несложно.

– Спасибо, Катерина, – лекарь не стал отказываться.

Нападение французов, расстрел и многочасовое бегство дались ему тяжело. Он словно постарел за этот день на несколько лет.

Я посветила Петухову, убедилась, что он благополучно забрался на лежанку. А затем долго отмывала руки в тазу с холодной водой. Пришлось слить воду и наполнить заново, одного тазика не хватило, чтобы полностью смыть кровь того бедняги. Вытерла висевшим на гвозде полотенцем и наконец почувствовала себя лучше.

Вооружилась нашим единственным фонарём и принялась за поиски еды

В первом ларе обнаружились мешки с мукой и крупами. Хороший запас, на большую семью. Однако нам это не пригодится, раз нельзя разжигать огонь. Я снова завязала верёвочки, чтобы не рассыпалось. Хозяева вернутся и порадуются, что мы только переночевали, но не пакостили.

Второй ларь порадовал больше, здесь хранили выпеченный хлеб. Караваев было много, что подтверждало мою догадку о большой семье. Видимо, выпекали сразу побольше, чтобы хватило не на один день. Это ж не в ближайший магазин сбегать.

Я взяла верхний и разочарованно вздохнула – он оказался чёрствым, как и все остальные. Похоже, испекли их не меньше недели назад. Ладно, сухари полезнее для пищеварения, решила я, доставая и выкладывая на стол несколько караваев.

Верхняя часть буфета была занята посудой, зато в нижней я обнаружила голову сахара размером с грейпфрут и мешочки с сухофруктами. Остальное место занимали чугунки и сковороды.

Хорошо, что французы сюда не добрались, не разграбили. Тут даже без огня у нас будет комфортный ночлег и ужин.

Ещё одним местом, где могла храниться еда, не требующая приготовления, был погреб. Я надеялась, что он расположен под избой, а не отдельно, как у нас в Васильевском. Ночью могу и заблудиться.

Поползав с фонарём по полу, я отыскала люк. Потянула за металлическое кольцо, открывая дверцу. Она оказалась тяжёлой и поддавалась с трудом. Может, и зря Петухова спать уложила, помог бы. Впрочем, будить его я не собиралась. О том, что Мирон Потапович спит, говорил его раскатистый храп, заполняющий кухню.

Я осторожно откинула крышку, стараясь не греметь. Посветила в тёмный лаз. Вниз вели деревянные ступеньки. Внезапно по коже прошёлся озноб. Непроницаемая чернота внизу пугала до мурашек.

Я обругала себя. Это просто погреб, а у меня есть фонарь. Он разгонит темноту. Мне нечего бояться.

Оставив трусливые мысли дождаться Ляха с партизанами, и пусть они сами туда лезут, я начала спускаться.

Достигнув утрамбованной земли, посветила фонарём по сторонам. Погреб как погреб, и правда пугаться нечего. Запах только неприятный, удушливый. Может, хозяйка забыла форточку открыть? Тут сгнило что-то, пока они отсутствуют, вот и пахнет.

Объяснение было простым, а значит, верным. Я заставила себя успокоиться и двинулась к стене.

Ого! Да тут запасов побольше, чем в Васильевском. Разве что нет стеклянных банок, да и горшочки с туесками не подписаны. А так те же полки от пола до потолка, бочки у стен. Деревянные загородки, заполненные овощами.

Свёкла и морковь, репа и редька. Я двигалась вдоль овощного ряда, светя фонарём. Запах становился ощутимо сильнее. Мне не хотелось идти до противоположной стены, однако я чувствовала ответственность за людей, что сейчас отдыхают наверху. Им нужна еда.

И я пошла.

Фонарь выхватил немногое, но и этого хватило, чтобы я помчалась оттуда со всех ног. У самой лестницы меня вывернуло. Но я не дала себе отдышаться, взлетела по ступенькам и захлопнула крышку, уже не заботясь о соблюдении тишины.

Французы сюда добрались. И большая семья из этого дома не уехала. Они спрятались в погребе, надеясь, что их не найдут.

– Катерина Павловна, что стряслось? На вас лица нет, – взволнованный голос казака вырвал меня из оцепенения.

– Фёдор Кузьмич, почему вы выбрали именно этот дом? – спросила я, потребовав: – Только правду. Не жалейте меня.

– Тут трупов нет, – признался Лях. – Оно как-то не по-божески покойников из своих же домов выбрасывать.

– Они в погребе, все, – вздохнула я, признаваясь: – Еды хотела раздобыть, вот и полезла на свою голову.

– Дядько Фёдор, гляньте-ка, чего мы в сенях нашли. Вот удача так удача, – в кухню зашли партизаны.

Один нёс две кринки с молоком, другой – глубокую миску с творогом, третий – сметану и масло.

Я тихонько заплакала, чувствуя одновременно тяжесть и облегчение. Наша удача строилась на чужом несчастье, и мы не в силах были это изменить.

– Катерина Павловна, – Лях отвёл меня в уголок и тихо предложил: – Не говорите остальным. Нам нужна крыша над головой. Хозяев мы не обеспокоим, переночуем и уйдём. Людям лишние тревоги ни к чему.

Я была с ним согласна, поэтому кивнула.

– Надо еду собрать, им уже без надобности, а в лагере пригодится, – выдвинула встречное предложение и, дождавшись согласия казачьего урядника, попросила: – Только в «чистых» помещениях забирайте.

«Чистых» я выделила голосом. Кузьмич понял, что имею в виду, и снова кивнул. Грабить мертвецов не по-людски, в этом мы были солидарны. Да и мало ли что.

Ужину все обрадовались. И пусть хлеб был чёрствым, а молоко скисло, превратившись в густую простоквашу. Это виделось сущей мелочью тем, кто не ел почти сутки.

Только я без аппетита жевала намазанный маслом ломоть. Мне было не по себе. И спала я плохо, мучимая кошмарами. Когда в окнах посерело, возвещая поздний осенний рассвет, я поднялась. Думала, встану одной из первых.

Однако Кузьмич с парнями уже были на ногах и запрягали лошадей.

Глава 4

– Собираемся, – скомандовал Лях, – перекусить и по дороге можно.

Конечно, нам следовало сначала заняться ранеными, сменить повязки, оказать помощь, но отсутствие перевязочного аппарата и желание скорее убраться отсюда сыграли свою роль. А поесть, и правда, по дороге можно.

И всё же выехали мы, когда утренние сумерки сильно разбавились светом, обнажая неприглядную картину деревенской улицы с полузасыпанными снегом мёртвыми животными. В основном собаки, но была и корова, и пара овец. Я поняла, почему французы не стали грабить дома. Они угнали скот, на всякую мелочь вроде муки и круп не стали тратить время.

Когда деревня осталась позади, стало легче дышать. Сколько их ещё таких по пути французской армии? Безжизненных, безмолвных и застывших.

В доме, где ночевали, мы разжились одеялами и укутали раненых. Им необходимо сохранять тепло. На свободной подводе везли лари и мешки с продуктами. Внутри всё ныло от осознания собственной беспомощности и невозможности что-либо изменить.

– Хранцузы! – выскочивший из лесу разведчик бросился к уряднику, выпучив глаза. – Тикать надо, дядько Фёдор!

– Куды тикать? А с ними что? – он кивнул себе за спину, добавляя: – Охолонись, Проша, и давай по порядку, как учил: сколько их, где, как далеко.

Спокойный тон Кузьмича сработал. Парнишка перестал трястись и начал докладывать.

– Четверо их, с полверсты туда, – он махнул рукой, указывая направление. Как раз туда мы и ехали.

– Четверо? – задумчиво переспросил Лях и сам себе ответил: – Четверо – это хорошо.

Глаза всех с остановившихся подвод были устремлены на казака. Мы ожидали его решения. Кузьмичу я всецело доверяла. Если скажет бежать – побегу, велит зарыться в снег – так и сделаю, хоть и без удовольствия.

– Значить, так, – заговорил он спустя полминуты. – Прошка, Антипка, Фрол, идётё со мной. Остальные ждут здесь, и смотрите, чтоб тихо было.

Четвёрка партизан свернула с дороги и скрылась в лесу. В обозе воцарилась тишина. Даже лошадям подвязали морды, чтобы они не выдали нас неосторожным ржанием.

Я напрягала зрение, стараясь рассмотреть хоть что-то за деревьями, движение или тень. Вслушивалась в осенний лес, уже прикрывшийся белой пелериной.

Скрипели деревья, возмущаясь холодному ветру. Кричали птицы. Шуршал снег, падая с голых веток. Ни выстрела, ни крика.

Ожидание казалось невыносимо долгим, нескончаемым, а возвращение партизан стало неожиданностью. Они вернулись так же тихо, как и ушли. Шедший впереди Кузьмич сохранял невозмутимое выражение лица. Он занял своё место и, ничего не объясняя, без промедления скомандовал:

– Поехали.

Тройка молодых партизан не была столь спокойна. Один выделялся бледно-зелёным лицом. И я порадовалась, что еду не рядом с ним, его скоро стошнит. У другого слегка подрагивали руки. Третий то и дело проводил по щеке ладонью, размазывая кровь.

Стычка была, но Кузьмич со своими парнями обошлись без шума выстрелов. Я поняла, что не хочу знать, как они справились. Пусть лучше молчат. Главное, что дорога свободна, и мы можем ехать.

Следующая деревня на нашем пути появилась ещё до заката. Она была меньше и беднее предыдущей. Избы из потемневших брёвен, крыши покрыты посеревшей от времени и дождей

тростниковой соломой. Ветхие заборчики, которые не задержали б даже курицу, не говоря о ком-то покрупнее.

Здесь тоже стояла тишина. У меня внутри всё сжалось, когда урядник велел заворачивать. Однако тут жили люди, которых действительно обошли стороной. То ли пропустили, то ли не захотели терять время и силы, понимая, что хорошей добычи здесь не найти.

Нам в деревне не обрадовались. Кузьмич лично обошёл все дома, созывая людей на улицу.

Я смотрела на хмурые лица. Внимательные глаза так же сканировали нас, пытаясь оценить уровень опасности, исходящей от незваных гостей.

– Нет, – негромко, но чётко произнёс крупный бородатый мужик. Он обладал авторитетом, поскольку остальные закивали, соглашаясь с ним.

К счастью, Фёдор Кузьмич умел вести переговоры. Он предложил жителям то, от чего они не могли отказаться в такое опасное и голодное время. Всё, что требовалось взамен – пустить нас переночевать. Рано утром мы покинем деревню и больше не вернёмся.

Бородатый снова окинул нас взглядом из-под кустистых бровей и согласился.

Урядник передал ему мешок муки, мешок овса и туес с солью. Я видела, как загорелись глаза жителей деревни. К тому же мы обещались готовить ужин из своего и накормить хозяев.

Нас распределили по два-три человека на дом. На меня пришлось двое раненых. Я помогла одному добраться до такой же широкой лавки, как и при вчерашнем ночлеге. Вышла за вторым и услышала, как Кузьмич обещает бородатому, что скажет, где тот может разжиться запасами продовольствия. Но скажет утром, и у него будет условие, которое бородач поклянётся исполнить на иконе Богородицы. А до утра может подумать, надо это жителям деревни или нет.

Увидев, что я рядом и слышу его слова, Кузьмич оставил мужика и помог мне довести раненого до дома. Остальных уже забрали, этот был последним, я слишком долго возилась.

– Думаете, я не прав, что хочу рассказать этим людям о той деревне? – вдруг спросил Лях у меня.

– Нет, Фёдор Кузьмич, думаю, вы правы. К тому же те бедняги нуждаются в погребении. Когда потеплеет, от них может разойтись зараза. А нам после войны будет ну совсем не до эпидемий.

Казак внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал, только хмыкнул себе в усы, прежде чем уйти.

В доме было всего две комнаты и кухня с большой русской печью. На лежанке громко шептались дети, решая, кому выглянуть и рассмотреть чужаков. Судя по голосам, их там трое или четверо.

Хозяйка, как могла, старалась придать уют бедному жилищу. Всюду висели вышитые занавески и занавесочки, на столе – скатерть с каймой. Белёная печь украшена узором, и по бокам тоже собранные гармошкой шторки, чтобы прикрыть, как остынет, закопчённое устье.

Возраст хозяйки понять не удалось. Сначала мне показалось, что она моложе меня. А полчаса спустя я уже видела в ней женщину за сорок. Потом поняла, что снова ошиблась. Так и не пришла к единому мнению.

Меня она явно смущалась или даже побаивалась. Прямо не глядела, только искоса, со сдерживаемым любопытством.

– Извините, – не зная, как обращаться к ней и вежливо ли спросить имя, я решила действовать, как принято у нас в будущем, – вы не могли бы помочь? Раненым уже два дня не меняли повязки, а это чревато инфекцией. Может, у вас есть ненужные простыни или ещё что на выброс, но чистое, для перевязки?

Теперь она взглянула на меня прямо. На лице отразилось замешательство, но длилось это не более пары секунд. Затем хозяйка потупила взгляд и наклонила голову. Сначала я решила, что кивнула, соглашаясь, а потом услышала её обращение.

– Найду всё, что нужно, госпожа, – и снова поклонилась, теперь я уже не перепутала, это был поклон.

Сама виновата, надо было простыми словами изъясняться, а не пугать добрую женщину. Теперь уже я отринула мысли о вежливости.

– Скажите, как вас зовут?

– Дарья, госпожа, – и снова поклон.

– Дарья, меня зовут Катерина, очень прошу, называйте меня по имени, я такая же, как вы.

Последовал ещё один взгляд, впившийся в моё лицо, словно пытаясь отыскать на нём следы насмешки. Не нашёл, потому что я была предельно серьёзна.

Дарья приняла моё предложение и тут же осмелела.

– Ты лекарка? – в этом вопросе смешались неверие и надежда.

– Я помощница лекаря, – Дарье этого оказалось достаточно.

– Сынок у меня занеможил, лежит тряпочкой, я уж и отвары, и примочки делала, и в полночь навоз на перекрёстке разбросала, а он так и лежит, – хозяйка вздохнула.

Я удивилась последнему аспекту медицины, но спорить и переспрашивать не стала. Если навоз на перекрёстке кому-то помог выздороветь – это хорошо.

– Я только помощница, но у нас есть лекарь. Я позову его прямо сейчас.

Ещё бы знать, куда определили Петухова. Прежде меня не интересовал этот вопрос, поэтому пропустила его заселение. Но ничего, похожу по избам, кто-нибудь из наших точно знает.

Однако не успела даже накинуть пальто, Дарья перегородила мне путь, почему-то испуганно оглядываясь на дверь.

– Не надо, не зови, муж осерчает, – пояснила она. – Вадим против ле´карства. Богу оно неугодно, ибо Господь только вправе решить, кому жизнь оставить, а кого к себе забрать.

Дарья явно повторяла слова мужа. Сама она была готова просить кого угодно, лишь бы спасли ребёнка.

– Мужа сейчас нет? – уточнила я, хозяйка покачала головой. – Ну вот, значит, он не узнает.

На лице Дарьи сменялись страх перед мужем и надежда на выздоровление сына. Материнская любовь оказалась сильнее.

Я оделась и вышла на улицу. Уже темнело. В нескольких шагах от дома стояли Фёдор Кузьмич и тот бородатый мужик. Увидев меня, они замолчали. Я решила, что Лях точно знает, где наш доктор, и направилась к нему.

– Что стряслось, Катерина Павловна? – обратился ко мне казак.

– Ребёнку нужна помощь, – я кивнула на дом, из которого вышла. – Вы не знаете, где Петухов?

Вдруг бородатый издал звук, похожий на рычание, и бросился к дому.

Я застыла. Неужели это и есть хозяин дома? Расстроенно посмотрела на урядника.

– Его зовут Вадим?

– Вадим, – Лях кивнул. – Что стряслось-то?

– Я натворила дел, Фёдор Кузьмич. Он категорически против лекарей и жене не разрешает лечить мальчишку. И что теперь делать?

– Да, Катерина Павловна, заварили вы кашу, я только, кажись, достучался до него, в доверие вошёл, – он покачал головой. – Осторожней надо быть, коли хотите делать добро человеку против его воли.

– А если приказать ему? – я смотрела на дом, в котором скрылся бородатый, и думала, он может сделать с женой, что угодно, и это будет по моей вине. – Они ведь крепостные, должны слушаться.

– Ваши крепостные, Катерина Павловна? – изумился Кузьмич.

– Не мои, но можно сказать, что я знакома с их хозяином.

– Катерина Павловна, а ведь я считал вас умной женщиной, – с укоризной произнёс Лях, добавляя: – Вы хотите пригрозить им, а потом ночевать в их домах?

Да, действительно, я сморозила глупость. Вдруг, боясь наказания, они решат от нас избавиться? Например, от меня. Придушат подушкой во сне и скажут, что так и было. В войну законы меняются. Верх берёт право сильного. Кто сильнее, тот и диктует законы. По крайней мере, в данном случае вполне можно допустить.

Война всё спишет.

А тело можно прикопать в лесу. Никто не найдёт, даже если искать будет.

– И что делать? – я вернулась туда, откуда начала.

– Попробую поговорить с ним, из дома уведу, а вы за Петуховым идите, он через две избы отсюда, – Лях указал направление, а сам пошёл за Вадимом.

Надеюсь, у него всё получится.

Мирона Потаповича я встретила на крыльце, он уже сменил повязки своим раненым и решил проверить остальных.

– Катерина Павловна? Что вы здесь делаете? – удивился он.

– У моих хозяев ребёнок больной, – я не стала терять время на пространные объяснения. – Надеялась, вы посмотрите. Вдруг там можно помочь.

– Ну идёмте, гляну на вашего ребёнка, – голос у Петухова был усталый. Однако я уже знала, он не успокоится, пока не обойдёт всех больных.

– Только там отец против… – попыталась я объяснить ситуацию, но в этот момент на крыльце появился Фёдор Кузьмич.

– Я всё уладил, – сообщил он, – заходите.

– Что он уладил? – спросил Мирон Потапович.

– Вопрос с отцом, – пояснила я, – он не очень жалует лекарей.

Нас уже ждали. На пороге стояла мать с испуганными глазами. Я окинула её взглядом, но следов от побоев не заметила. По крайней мере, при свете лучины.

Прежде мне не доводилось видеть такой источник света. В деревянное основание, размером с небольшой термос, было воткнуто нечто вроде металлической скобы, концы которой топорщились четырьмя «пальцами». Между ними вставлялись тонкие щепки. Горели они по несколько минут, затем кто-то из детей менял на новые.

Хозяйка прошла вперёд, отодвинула занавеску, приглашая нас в комнату. Там, на большом сундуке с плоской крышкой, лежал ребёнок, накрытый стареньким лоскутным одеялом.

Мальчик был болен, это видела даже я. Бледный, худенький, с деформированным черепом, отчего голова казалась квадратной.

На глаза навернулись слёзы. Бедный малыш.

Петухов подошёл к ребёнку, осторожно присел на край сундука, проверяя крепость. Я испуганно взглянула на Вадима, стоявшего у стены. Что если он бросится на Мирона Потапыча?

Однако отец малыша больше не выглядел агрессивно. Он словно сдулся, стоял, ссутулившись, на лице попеременно отражались отчаяние и надежда.

Петухов уверенным движением откинул одеяло и задрал рубашонку. Я охнула, не успев зажать рот ладонью. И это будто стало сигналом для отца. Он вдруг заговорил. Глухо, надрывно, выплёскивая застарелую боль.

– Егорка не сразу такой стал. Младенчик здоровый родился, крупненький. Думал, богатыря вскормим, подмогу отцу-матери. Ан нет, занеможило дитё. Не спит, не ест. По утрам – лежанку хоть выжимай, вся в поту. А как это расти стало, Дарья едва не слегла моя. Сперва молилась, пред иконами усердствовала – и Царице Небесной, и Спасителю. Потом уж к старухам пошла, на шептуньи, на ворожбу пустую подалась. У нас-то жалельщиков, что грибов по осени, а помочь – некому.

Я смотрела на жалкое голенькое тельце малыша. Его безобразно вздувшийся живот, запавшую с одного бока грудь, искривлённые ноги. И понимала, что на месте Дарьи хваталась бы за любой, самый ничтожный шанс, за самый идиотский метод лечения.

– Осенью к нам разные лекари-проходимцы наезжают, по теплу ещё, но чтоб урожай уже собирали. Знают, козьи морды, когда являться. И давеча был один, ни войны не побоялся, ни божьего гнева. Говорит, я пацана вашего на ноги поставлю, бегать будет, пять мешков зерна давай, да овощей, какие есть, по полпуда каждого. А я всего восемь собрал. Два – барину, один лошадку подкормить, на голой траве зиму не выдюжит. А без лошади мы сами ноги протянем, как и без зерна. Ну поторговались мы, значит, он на мешок согласился и полпуда овощей всего. Ну и лечение сказал, какое надо. Уксус водой разводить и обтирать Егорку. Через час соль разводить и поить его. А ему всё хужее и хужее…

– Не удивительно, что Егорке становилось хуже. Ни уксус, ни тем более соль при рахите не помогут, – перебил его Петухов. – Тут другое лечение надо.

– Вы сможете его вылечить, господин лекарь? – раздался тонкий, едва не срывающийся голос Дарьи.

– Вы и сможете, – мягко ответил Мирон Потапович, – только слушайте внимательно, смотрите, что я делаю, и запоминайте.

Он начал с массажа, разминая дряблые мышцы. Мальчишка пытался возражать, хныкать, но вяло, у него не было на это сил. Родители внимательно смотрели, не пропуская ни одного движения рук Петухова.

– Режим питания полностью сменить, – проговаривал он. – Обязательно рыбий жир. Молоко пожирнее давать, можно сливки. Яйца куриные, пока сырые, чтоб глотал только. Бульон варите, поите его. В солнечные дни выводите гулять…

– Как гулять, господин лекарь, – ахнула Дарья. – Не ходют ножки-то евоные…

Она заплакала и получила грозный окрик мужа.

– Выносите, пусть лежит пока, потом сидит, а после уж и пойдёт. Если каждый день гимнастику будете делать и разминать его, кормить усиленно, он окрепнет. Богатырём, может, и не будет, но здоровым мальчишкой очень вероятно.

– Неужто поможет? – Вадиму было сложно поверить словам Петухова.

– Должно помочь, – Мирон Потапович опустил рубашонку, снова укрыл мальчика одеялом и поднялся.

– Чем отплатить вам, господин лекарь? – спросил хозяин, его лицо осветилось надеждой.

– Ничего не надо, – Петухов устало махнул рукой. – Вы и так уже дали нам приют на ночь.

Он направился к выходу, но у двери спросил:

– Катерина Павловна, вы не проводите меня?

– Конечно, – я вышла вслед за ним, всё ещё думая о бедном Егорке и тех муках, что пережили его родители.

Сама я ужасно скучала по Маше. Мне её так сильно не хватало эти дни. Хотелось обнять, прижать к себе крепко-крепко и вдыхать её запах, такой родной и нужный. Надеюсь, завтра я уже смогу увидеть малявку.

– Катерина Павловна, – Петухов вдруг остановился и перегородил мне путь. – Впредь, если вам сообщают о больных родственниках, пусть то детишки или старики, ни в коем случае

не входите в помещение, где находятся больные. Сегодня вам повезло, рахит не заразен. Но это мог быть коклюш или корь. Лечения от них нет. Вы же не хотите оставить свою дочь сиротой?

– Погодите, Мирон Потапыч, – мне с трудом удалось прервать его, дождавшись, пока доктор наберёт воздуха для продолжения возмущённой тирады. – Я не заходила в комнату к Егорке, сразу пошла за вами.

– Не заходили? – Петухов удивился.

– Не заходила, – подтвердила я, – всё же кое-чему научилась, работая с вами.

Лицо доктора расслабилось, показалось, на нём даже мелькнула гордость. Однако ручаться я бы не стала.

– Хорошо, – кивнул он, добавляя: – Вы уже сделали перевязку своим раненым?

– Не успела, – повинилась я. – Только зашёл разговор о чистых простынях, хозяйка заговорила о сыне.

– Тогда не буду вас задерживать, позаботьтесь о них.

– Доброй ночи, – крикнула я напоследок, когда Петухов уже сошёл с крыльца, растворяясь в вечерней мгле.

Атмосфера в доме неуловимо переменилась. Чужаков здесь больше не чурались, напротив, мы стали в радость.

Раскрасневшаяся хозяйка возилась у печи. Пахло кашей и топлёным маслом.

– Я вам простынки приготовила чистые, – Дарья указала на лежащую на столе стопку.

– Это много, спасибо, – откликнулась я. – На повязки и одной хватит, самой старой. И ещё кипячёной воды, если можно, уже подостывшей.

– Вам теперь что угодно можно, – подтвердила она причину изменений. Она словно забыла о допущенном панибратстве и снова перешла на уважительное обращение.

Я неловко улыбнулась и ушла в комнату к раненым. Здесь было темно. Я собралась открыть занавеску, чтобы поймать хоть немного света из кухни, как вдруг услышала:

– Груня, отнеси второй светец госпоже лекарке и следи, чтоб лучина не гасла.

Тут же в комнату вошла девочка с такой же подставкой для лучин. Воткнутые в неё щепочки осветили комнату.

– Поставь поближе, – попросила я, аккуратно развязывая бинты. – И принеси, пожалуйста, кипячёной воды.

Девочка молча исполнила поручение. Через полминуты рядом со мной стояла плошка с тёплой, почти горячей водой. Сама Груня застыла рядом, с любопытством наблюдая за моими действиями.

– Ты уверена, что хочешь смотреть? – уточнила я, поясняя: – Рана двое суток без перевязки. Она будет плохо выглядеть и плохо пахнуть.

Девочка кивнула. Ей было любопытно. Что ж, пусть смотрит.

Я сняла повязку. Резко пахнуло гниющей плотью. Этого следовало ожидать. Двое суток в пути, без перевязок и промывания сделали своё дело. Как же мне не хватало антисептиков, антибиотиков и всеобщей гигиены. Иногда казалось, что во всей больнице одна я мою руки, прежде чем прикоснуться к пациентам.

Я порвала простыню на бинты. Ткань была ветхой и легко расходилась без ножа или ножниц. Убрала нагноение с раны, промыла водой и закрыла заново. Затем проделала то же самое со вторым раненым.

Груня мужественно держала плошку, меняла воду и лучины. Ни разу не скорчила брезгливую гримасу, и я не смогла удержаться от похвалы.

– У вас замечательная дочь, стойкая и мужественная, – сообщила я Дарье, добавив самой девочке: – Спасибо, Груня, без тебя я бы возилась вдвое дольше.

Она бросила на мать довольный взгляд, и та потрепала девочку по голове.

– Позови отца и братьев, скажи, трапезничать будем, – велела Дарья.

Дочь послушно накинула шерстяную шаль и выбежала из дома. А я попыталась помочь с ужином. Но хозяйка не позволила даже расставить деревянные миски, которые стопкой стояли на краю стола с деревянными ложками в верхней.

– Ну что вы, госпожа лекарка, как можно? Вы у нас гостья, вам следует угождать и возвещать хвалы за ваше доброе дело.

Я не знала, что сказать на это. Я ведь ничего не сделала. Я даже не сумела бы диагностировать рахит и уж тем более не знала, как его лечить.

Я смотрела, как Дарья надколола скорлупу в яйце, сняла верхушку и, помешав содержимое лучинкой, понесла сыну. Надеюсь, советы Петухова помогут. Родители точно будут стараться их исполнять.

Глава 5

За ужином собралась вся большая семья. Детей, кроме Егора, было четверо. Похоже, Груня успела поделиться своими наблюдениями, потому что они разглядывали меня с любопытством. Однако сидели смирно и молчали, ожидая, когда мать подаст еду.

Вадим больше не выглядел злым и угрюмым, только усталым. А может, это моё знание их истории изменило отношение к нему.

Наконец Дарья поставила на стол чугунок, из которого вкусно пахло кашей с грибами и луком. Хозяйка брала миски из стопки, наполняла деревянной ложкой и, воткнув её в кашу, по очереди ставила перед нами. Начала с мужа, затем мне, как гостье, себе и детям по старшинству. Никто не начинал есть, пока последняя миска не была наполнена. А затем ложки дружно застучали о деревянные плошки.

После трапезы хозяин перекрестился перед иконой, благодаря за пищу, и ушёл в комнату. Дарья наполнила ещё две миски, чтобы я отнесла раненым, а сама принялась за мытьё посуды.

Мои подопечные всё ещё спали, утомлённые долгим переездом. Мне не нравилось, что даже перевязка их не разбудила, и всё же я тянула до последнего, давая парням отдохнуть.

– Спящие красавцы, просыпайтесь, каша остынет! – мой голос был преувеличенно бодр. На самом деле я переживала за раненых.

Отсутствие должного ухода часто становится причиной сепсиса. А мне, впрочем, как и Петухову, очень хотелось довезти всех живыми.

– Катерина пришла, – обрадовался один из раненых.

– И покушать принесла, – я помогла обоим принять сидячее положение и поставила на колени миски с кашей.

– Слышь, Николка, Катерина наша стихами говорит, – первый раненый был в меру бодр и с аппетитом принялся за еду.

Зато второй мне не нравился. Бледный, вялый, он несколько раз перемешивал ложкой кашу, прежде чем поднести ко рту.

Я не выдержала и, подойдя к нему, коснулась ладонью лба. Так и есть, у него температура поднялась.

– Вы себе столько личного в отношении меня позволили, что теперь просто обязаны пойти за меня замуж, – хмыкнул он.

– Если будете плохо есть, то и пойду, не пожалею, – вызывающе заявила я, вызвав смех обоих.

Вот только мне было не до смеха. Я принимала решение: идти сейчас за Петуховым, который, скорее всего, уже спит, или подождать до утра. На одной чаше весов находилось беспокойство целой семьи, ведь в избе вместо дверей занавески. А на другой – здоровье или даже жизнь Николая.

Я уже достаточно работала в госпитале, чтобы по мельчайшим деталям определять, насколько всё плохо. Сейчас я сомневалась, поэтому решила последить, как он будет есть.

Николай возился дольше товарища, однако его миска тоже опустела. Я с облегчением выдохнула, значит, всё не так уж плохо. Можно подождать до утра.

А как сбивать температуру, я уже знала. Попросила у хозяйки холодной воды и обтёрла лицо, шею и грудь смоченной тряпицей. Николай вяло возмущался, что я ещё не стала его женой, а уже хочу извести, заморозив насмерть. Второй смеялся, просил обтереть и его. Однако стоило мне подняться, заявил, что то была неудачная шутка.

Когда я вернулась в комнату, оба уже спали. Я тоже свернулась на выделенной мне лавке и мгновенно провалилась в сон.

Разбудила меня Груня. Девочка склонилась надо мной и молча разглядывала. Я распахнула глаза, испуганно вздрогнув. Отстранилась.

– Что ты здесь делаешь? – спросила хрипло.

– Маманя велела разбудить, – как ни в чём не бывало ответила она и, посчитав задачу выполненной, скрылась за занавеской.

Я села на лавке, пытаясь проснуться. Судя по разбавленным сумеркам за окном, скоро наступит рассвет. Оба раненых ещё спали. Я встала и осторожно коснулась виска Николая тыльной стороной ладони. Жар был, но не запредельный. Может, и обойдётся. Молодой ведь, организм должен бороться.

Я разобрала волосы пальцами и, скрутив в узел на затылке, почти привычно закрепила шпильками. За два с половиной месяца мой быт изменился практически до неузнаваемости. Та, прежняя, я вряд ли узнала бы себя теперешнюю. Однако для меня сегодня отсутствие благ и удобств цивилизации стало обыденностью. Я уже не тосковала по стиральной машинке или мобильному интернету. Я почти не помнила, что это такое.

После завтрака, состоящего из вчерашней каши и варёных яиц, я отнесла порции раненым. Наказала всё съесть, а сама отправилась за Петуховым. Пусть взглянет на Николая – дорога ещё долгая. Мне будет спокойней.

Мирон Потапович похвалил меня за бдительность. Рана воспалилась и требовала глубокой очистки с удалением поражённых тканей. Я поняла, что Петухов собирается вскрывать швы и вырезать воспалённые участки. Известие меня ужаснуло.

Да, в госпитале условия тоже были далеки от требований Минздрава, но в крестьянской избе нет ни перевязочного аппарата, ни инструментов. Не собирается же Мирон Потапыч вскрывать Николая хлебным ножом? По выражению его лица я поняла, что доктор как раз раздумывает об этом.

Хлопнула входная дверь, колыхнув занавески, и в кухне раздался голос Фёдора Кузьмича.

– Доброго утра, хозяюшка, бог в помощь. Там они?

– Там-там, – ответила Дарья.

И сразу занавески разошлись, явив нам бодрого казака с раскрасневшимся от мороза лицом.

– Выдвигаться надо бы, Мирон Потапыч, – обратился Лях к Петухову.

– У нас осложнения, – ответил лекарь, переводя взгляд на меня, словно бы нуждаясь в моём одобрении на операцию в крестьянской избе.

– Фёдор Кузьмич, сколько нам ехать до лагеря? – спросила я.

– Коли гладко пойдёт, до полудня прибудем, а коли с осложнениями, – повторил он слово, – то, как бог даст.

– Мирон Потапович, можно ли отложить операцию на три-четыре часа? – обратилась к Петухову. – Разумеется, без последствий для пациента.

– На три-четыре можно, – кивнул он, – Но если больше…

И без продолжения было понятно, что это риск. Причём рискованно, как проводить чистку здесь, так и откладывать до лагеря.

– Николай, – обратилась я к раненому, считая, что решить должен он, – вы всё слышали. Рану нужно вскрывать и чистить, но здесь только кухонные ножи и пыльные простыни, а в лагере – хирургические инструменты и, возможно, обезболивающее, если всё не израсходовали. В общем, я думаю, пусть Николай сам решит, как для него лучше.

Петухов, подумав, пожал плечами – он не возражал. Тоже видел, что риски примерно равны. Лях доверял авторитету единственного лекаря в обозе. Его задача – довезти нас всех живыми. По возможности. Если доктор и его помощница считают, что шансы на успех и неудачу одинаковы, то пусть выбирает тот, кого это касается в первую очередь.

Николай переводил растерянный взгляд с меня на Петухова, на казака и обратно на меня. На его лице читалось: «Ребята, вы чего? Очумели? Да разве ж я могу такое решить?».

– Вы правы, Катерина Павловна, – внезапно голос подал лекарь. – Не стоит делать операцию кухонным ножом, находясь в трёх часах пути от опытных хирургов.

Я видела, с каким облегчением выдохнул Николай. Кажется, он готовился к тому, что его начнут резать прямо сейчас.

Надеюсь, я была права и не зря убедила Петухова подождать до госпиталя.

Я заняла место рядом с Николаем на подводе.

– Признайтесь, вы влюбились и теперь преследуете меня, Катерина? – он очнулся от дрёмы, когда я коснулась его запястья, проверяя пульс.

– Вы угадали, Николай, – у меня не было часов, чтобы высчитать количество ударов, но они явно частили.

– Вы станете моей женой?

Я смотрела на бледное лицо, выступившие на лбу капли пота и, не вдумываясь в его слова, кивнула.

– Конечно, – ох, хоть бы довезти живым.

К счастью, последний участок пути прошёл без приключений.

Около полудня мы проехали через большую деревню, в которой кипела жизнь. Несколько женщин в телогрейках и платках что-то мыли у колодца. Здоровенный бородатый мужик колол дрова. Ему было жарко. Он скинул зипун и закатал рукава рубахи до локтей. Пара подростков складывала поленца на дровни.

– Николай, мы приехали, – я потормошила своего попутчика, желая обрадовать новостью.

Однако он отказывался просыпаться. Кажется, я проморгала момент, когда раненый впал в беспамятство. Дрожащими пальцами я зашарила по его шее в поисках пульса и едва не заплакала от облегчения, когда ощутила лёгкое биение под кожей.

Больше никогда не буду принимать такие решения! Иметь дело с их последствиями – то ещё испытание.

Я приготовилась спрыгнуть, как только подвода остановится, и сразу бежать к Петухову. Однако мы проехали деревню насквозь и двинулись дальше.

– Эй! – крикнула я вознице. – Куда мы едем?

– Здесь недалеко, – откликнулся партизан, махнув вперёд: – Вон, видать ужо.

Я посмотрела в указанном направлении. Дорога поднималась на склон пологого холма, на вершине которого стоял белоснежный двухэтажный особняк с белоснежными же флигелями, почти сливающимися со снежным покровом. Голые стволы деревьев смотрелись на их фоне особенно чёрными.

Усадьба выглядела бы прелестной, если б не была окружена грязноватыми пятнами армейских палаток. Так вот где разместился полевой госпиталь.

Сердце забилось в предвкушении. Скоро я увижу Машу. И Василису. Я ужасно соскучилась по своим девочкам.

Только сдам Николая на руки врачам.

– Помогите! – закричала я, как только обоз остановился. – У этого юноши воспалилась рана. Он потерял сознание.

Но, стоило мне слезть и сделать шаг в сторону, как Николай очнулся. Я не уверена, что он пришёл в себя, поскольку взгляд его словно бы блуждал в пространстве, не в силах сфокусироваться на чём-то определённом. Впрочем, как оказалось, он искал меня, а найдя, остановился. На губах Николая появилась слабая улыбка. Он протянул ладонь, и я легко её сжала.

– Вы не уйдёте?

– Нет, – ответила я, смиряясь с тем, что придётся подождать, пока мой подопечный отправится на операцию. И лишь затем начать поиски Машки.

– Помните же, вы обещали, – проговорил он совсем тихо, веки опустились.

Я решила, что снова потерял сознание. Однако когда его подхватили, чтобы перенести, и я выпустила его ладонь, Николай открыл глаза.

– Катерина… – произнёс он укоризненно, но так слабо, что я устыдилась.

– Простите, я вас не оставлю, обещаю, – снова сжала его пальцы.

Так мы и шли. Двое мужчин в армейской форме несли раненого, ухватив подмышки и под коленями. И я, держа его руку.

Хирургическая палатка располагалась в стороне от господского дома, видимо, чтобы не тревожить обитателей криками пациентов. Высотой она была примерно в полтора моих роста. А по площади – чуть больше комнаты в общежитии дорогобужского госпиталя.

Стенки из плотной парусины прибиты к длинным кольям, воткнутым в землю. Понизу к ткани крепились жердины, не позволяя холодному ветру устраивать сквозняки.

Стоящий у входа солдат отогнул полог, позволяя внести раненого. Я вошла тоже и мгновенно задохнулась от удушливого запаха крови, гноя и пота.

На первый взгляд казалось, что в палатке царит хаос. Кричали врачи. Стонали раненые. Вжикала пила, ампутируя конечность.

Однако внутреннее пространство было организовано грамотно, пусть и не гигиенично. Вместо хирургических столов здесь стояли наскоро сколоченные из необструганных досок. Часть по периметру, у стен, и три по центру, так, чтобы лекари не сталкивались и не мешали друг другу. У каждого стола – свой перевязочный аппарат, точнее то, что от него оставалось. Рядом тазик для использованных бинтов. А у входа, так, чтобы не мешала заносить пациентов, стояла большая корзина с ампутированными конечностями.

От взгляда на неё и на то, как обыденно помощник бросил туда, очередную кисть, меня замутило. Хотя прежде казалось, что в госпитале я привыкла ко всему. Однако на операциях мне бывать не доводилось. Здесь же шёл непрекращающийся операционный поток. Едва уносили одного раненого, его место на столе занимал следующий.

Похоже, незадолго до нас в усадьбу прибыл ещё один обоз.

К счастью, для Николая нашлось свободное место. Как только его положили, хирург с осунувшимся от усталости лицом придвинул ближе окровавленные инструменты.

– Вы что, даже не собираетесь их мыть? – возмутилась я.

– Кто вы такая? – только сейчас доктор заметил моё присутствие. – Женщинам здесь не место, как и посторонним. Выйдите вон!

– Это моя невеста, – подал слабый голос Николай, – пусть она останется.

Его слова не понравились хирургу. Он впился в меня недовольным взглядом. Однако меня этим было не испугать. Гораздо больше я боялась за своего подопечного.

– Вы обязаны мыть инструменты после каждого пациента, – я тоже смотрела ему в глаза.

– Вы разбираетесь в медицине, сударыня? – язвительно спросил он.

– Я помощница лекаря и знаю, что немытые руки хирурга, как и немытые инструменты, убивают не меньше солдат, чем французские пули! – этот высокомерный выскочка, считающий себя врачом, а по сути являющийся обычным коновалом, по-настоящему меня разозлил.

– Снегирёв, неси сюда воды! – крикнул лекарь.

В этом поединке я победила. И едва не задохнулась от возмущения, увидев, что принёс этот самый Снегирёв.

Глава 6

В руках он держал тазик с мутной розоватой водой.

– Вы издеваетесь?! – я повернулась к хирургу.

Тот вздохнул, словно имел дело с вздорной истеричкой и проявлял чудеса терпения.

– Снегирёв, принеси свежей воды, из колодца.

– Кипячёной! – поправила я.

– Кипятку на всех не напасёшься, – пробурчал Снегирёв, но вышел из палатки.

Надеюсь, он выполнит моё требование.

– Вы срываете нашу работу, – с усталым раздражением высказал хирург.

Я заметила, что он прав. Операции за другими столами приостановились. Все наблюдали за развитием событий. Может, это и есть мой шанс что-то изменить?

– Послушайте меня! – не пришлось даже сильно повышать голос. Казалось, даже раненые перестали стонать, заинтересовавшись происходящим. – Я работаю в госпитале. Мы выяснили, что гигиена лекарей и помощников очень важна для выздоровления раненых. Когда хирурги тщательно моют руки и инструменты перед операцией, раны лучше заживают, почти не бывает гангрены, и воспаления становятся реже. Ещё очень важно ежедневно делать перевязки, использовать чистые бинты. Рана должна содержаться в чистоте, как и сам пациент, его постель и одежда. Тогда люди перестанут умирать пачками и начнут выздоравливать.

Я обвела взглядом лица, стараясь понять их выражения. На некоторых читался неприкрытый скептицизм, другие, напротив, задумались над моими словами. Врачи вернулись к работе, но гул голосов не умолкал. Они обсуждали услышанное.

А я надеялась, что зёрна упали в подходящую почву и прорастут. Никто не заслуживает смерти лишь оттого, что хирург не слышал о важности гигиены. Особенно те, кто сражается за свою родину. Жертвует здоровьем, жизнью. Они заслуживают самого лучшего медицинского ухода.

Судя по взгляду хирурга, который сейчас будет прочищать рану Николаю, он меня уже возненавидел. Ещё бы, какая-то женщина уронила его авторитет, унизила перед коллегами, обесценила медицинский опыт. И всё это одним замечанием, что он не вымыл инструменты.

Но я думала не о достоинстве доктора, а о десятках или даже сотнях жизней, которые удастся спасти. Пусть я и заполучила врага. Ничего, как-нибудь переживу.

Снегирёв вернулся с водой.

– Кипячёная, – сообщил на мой вопросительный взгляд и поднёс тазик хирургу. – Ну, Михал Данилыч, давайте ручки сперва омоем?

Однако тот уже достаточно натерпелся. И обращение помощника стало последней каплей. Он отмахнулся, опрокидывая таз, из которого потекла вода, забрызгав Снегирёва.

Хирург подскочил ко мне, сунул указательный палец едва не в лицо и затряс им.

– Слушай ты, сударыня, на каком основании ты тут распоряжаешься? – зашипел он, пугая меня.

Я сделала шаг назад и чуть не выпустила руку Николая, о котором почти забыла. Совершенно неожиданно он сжал мою ладонь, не выпуская, а затем заговорил.

– Катерина распоряжается здесь на том основании, что она невеста наследника усадьбы Беззаботы, где мы находимся. Если я, конечно, не брежу.

– И кто же этот наследник усадьбы? – ехидно спросил хирург, видимо, позабыв, что Николай изначально представил меня своей невестой.

– Поручик Николай Дмитриевич Гедеонов, к вашим услугам, – мой подопечный дёрнул подбородком.

В другой ситуации это выглядело бы смешно, но сейчас мне было не до смеха.

– Что вы сказали, Николай? – но он уже не смотрел на меня, хотя продолжал так же крепко сжимать мои пальцы.

– Матушка здесь? – он спрашивал у лекарей. Получив утвердительный ответ, попросил: – Позовите её. Одну.

Снегирёв убежал исполнять поручение. Похоже, он был рад держаться сейчас подальше от Михаила Даниловича, который тоже покинул палатку, ругаясь сквозь зубы. Другие хирурги вернулись к своей работе. Однако то и дело с любопытством поглядывали в нашу сторону.

– Почему сразу не сказали, что вы сын хозяйки усадьбы? – спросила я, когда мы остались одни. По крайней мере, у этого стола.

– Я до последнего не был уверен, что это Беззаботы. Думал, мне снится, что я вернулся, – он слабо улыбнулся.

Я коснулась его лба. Температура повышалась.

– Николай, вам не следует долго разговаривать с матушкой. Рану нужно очистить. Мы и так теряем драгоценное время. Вы слышите меня?

– Как прикажете, – раненый поднёс мою ладонь к губам и поцеловал.

Эта игра в жениха и невесту начинала меня напрягать. Однако я не решалась завершить её. Если это утешает Николая, я потерплю немного. Всё равно он скоро потеряет сознание от боли, тогда и смогу уйти.

Полог палатки снова раскрылся. В проёме растерянно замерла женщина. Не слишком старая, но и не молодая. Убранные в причёску волосы щедро тронула седина. Фигура оплыла от родов, однако не потеряла вовсе природной стройности, лишь стала пышнее. Осунувшееся лицо со складками морщин, острый нос и подбородок, тонкие поджатые губы.

У этой женщины была воля и характер. Однако сейчас она выглядела очень уязвимой. Её взгляд безошибочно нашёл Николая и сразу потеплел.

– Николенька, – выдохнула она, устремляясь к сыну.

– Матушка, – он протянул к ней руку, второй, как ни удивительно, продолжал держать мою ладонь.

Женщина подошла с той же стороны, где стояла я, пришлось посторониться. Я бы и вовсе ушла отсюда, меня ждёт Маша. Но данное Николаю слово удерживало на месте.

– Матушка, познакомьтесь, это Катерина, – вдруг сообщил он, добавляя: – Моя невеста.

Что?!

– Катерина, это моя матушка, Надежда Фёдоровна.

Я заставила себя улыбнуться и пробормотать, как рада познакомиться. Однако эта игра перешла всякие границы. К знакомству с будущей свекровью я была совершенно не готова. Как оказалось, она тоже. Взгляд, которым хозяйка усадьбы наградила меня, выражал целый водопад эмоций, но радости там не наблюдалось. Её ответная улыбка больше походила на акулий оскал.

– Вы не оставите нас ненадолго? – спросила мать Николая.

– Разумеется, – я в очередной раз попыталась забрать ладонь из хватки нежданного жениха.

Надежда Фёдоровна заметила этот жест и коснулась плеча сына.

– Николенька, пусть твоя невеста отдохнёт с дороги, обещаю, что пригляжу за ней. Ты можешь быть покоен на её счёт.

– Благодарю вас, матушка, – произнёс он мимоходом и тут же перевёл взгляд на меня: – Катерина, обещайте, что никуда не уйдёте и будете рядом, когда операция закончится.

– Хорошо, я обещаю, – согласилась, досадуя на себя за это. Но что ещё я могла сказать?

И наконец покинула душную палатку.

Снаружи было хорошо. Светло и просторно. Я вдохнула полной грудью. Лёгкий морозец освежал лицо и мысли.

Что втемяшилось в голову этому Николаю? С чего он решил, что я должна стать его невестой? Ещё и матери представил. Она точно не обрадовалась такой новости.

Спустя пару минут мимо меня проскочил Снегирёв с новым тазиком, следом за ним шли служанки. Две несли фаянсовые кувшины для умывания, а третья – стопку белоснежных простыней.

Вышли они вместе с Надеждой Фёдоровной, которая отпустила девушек лёгким движением кисти, а потом ухватила меня за локоть. Да так сильно, что я сквозь пальто ощутила, как её пальцы впиваются в кожу.

– Ну а теперь, милочка, извольте рассказать, кто вы такая и как умудрились захомутать моего Николеньку?

– Да не нужен мне ваш Николенька! – я дёрнула рукой, но хватка у матери была под стать сыновьей. Пришлось предложить компромисс: – Отпустите меня, и я всё вам расскажу.

Надежда Фёдоровна отцепила пальцы, и мы пошли рядом в сторону большого дома. Со стороны, наверное, картина выглядела мирной и была наполнена семейным теплом, но между нами росло напряжение.

– Меня зовут Екатерина Павловна Повалишина, я работаю помощницей лекаря в Дорогобужском госпитале, ухаживаю за ранеными…

– Работаете? Вы не дворянского сословия? – перебила меня госпожа Гедеонова. В её голосе удивление мешалось с презрением.

Так и хотелось послать подальше эту снобку и пойти на поиски Маши. Однако Надежда Фёдоровна – хозяйка имения, где разместился госпиталь. Если она велит выгнать меня, куда я пойду? К тому же классовое разделение общества было нормой этого периода истории. Дворяне стояли выше остальных на сословной лестнице, вот и считали, что они лучше и достойнее. Даже если достоинства там кот наплакал.

– Я дворянского сословия, – ответила со всем доступным мне терпением. – Однако мою усадьбу сожгли французы, перебили моих людей, и, чтобы прокормить дочь, я вынуждена работать…

– Дочь?! – снова перебила меня Гедеонова. Правда, теперь я расслышала нотки паники. – Вы вдова?

– Я не была замужем, – решила не щадить её и выдавать информацию дозировано, чтобы неприятная дамочка получила массу эмоций.

Но долго тянуть паузу не смогла. Эх, не выйдет из меня актрисы. Лицо Надежды Фёдоровны побелело, взгляд наполнился ужасом. И я призналась.

– Маша – мне не родная дочь. Я встретила её пару месяцев назад совершенно одну. Мы пытаемся найти её отца, но всё, что о нём известно, он служит в русской армии. После войны я хочу удочерить её. Разумеется, если отец не отыщется.

Госпожа Гедеонова снова схватила меня за предплечье, а её взгляд впился в моё лицо.

– Молю, скажите, что вы смеётесь надо мною, – попросила она.

– Надежда Фёдоровна, – я вздохнула, пытаясь подобрать слова помягче. Всё-таки женщина волнуется за сына. А возраст у неё такой, когда уже следует поберечь нервы. – Вам не о чем переживать. Я не собираюсь замуж за Николая. Уверена, он пошутил насчёт свадьбы. Я пыталась заставить хирурга вымыть инструменты, и ваш сын назвал меня невестой, чтобы придать вес словам. Вот и всё.

– Я знаю своего мальчика девятнадцать лет, и уверяю вас…

– Что?! Девятнадцать?! – теперь уже я перебила Гедеонову.

Николай выглядел старше. Мне и в голову не приходило, что он столь юный. Какое там замужество! Вот же умудрилась вляпаться.

– Да, Николенька в августе праздновал именины, жаль, что не дома, – она вздохнула и продолжила: – Так вот, уверяю вас, если он что-то решил, его ничто не остановит. Раз он назвал

невестой женщину старше себя, ещё и с ребёнком, Николенька женится на вас. Даже если отец пригрозит лишить его наследства, мой мальчик не послушает.

– Подождите, – это нравилось мне всё меньше. – Ваш мальчик должен послушать меня, потому что я не собираюсь за него замуж. В мои планы не входит замужество с незнакомым юношей. Простите, но я не люблю его, я всего лишь забочусь о раненых. Обо всех раненых. Не могу же я теперь за каждого выходить замуж?

– Так вы считаете моего сына недостойным себя? – её голос заледенел.

Я закатила глаза. Ну вот, приехали.

– Конечно, нет, Уверена, ваш сын – очень достойный молодой человек. Но я не могу выйти за него.

– Это почему же? – возмущённо спросила Надежда Фёдоровна, словно пару минут назад не давала мне понять, что это я недостойна Николеньки.

– Потому что я люблю другого и обещала его ждать.

Она помотала головой, не в силах поверить, что я это говорю.

– Давайте сначала успокоимся и всё хорошенько обдумаем, – Гедеонова погладила моё предплечье, как будто и правда пыталась успокоить. – Идёмте в дом, я прикажу набрать вам ванну и приготовить комнату. Вы наверняка утомились с дороги.

– Благодарю, я действительно немного устала.

Мы продолжили путь к дому, но не дошли. Потому что на крыльцо степенно вышла прелестная юная леди. На ней была красивая голубая накидка с меховой опушкой. Из-под голубого же капора выглядывали красивые локоны и аккуратно ложились на плечи. Следом за ней шла няня, нет, не няня. Мне хватило одного взгляда, чтобы узнать Василису. Неужели Надежда Фёдоровна приставила её к своей дочери? Или внучке?

Неважно, к кому, главное, что она разлучила её с Машей. И мне придётся очень серьёзно поговорить с хозяйкой усадьбы, ведь подобное недопустимо. Василиса принадлежит мне, Гедеонова не вправе ею распоряжаться.

Мои возмущённые мысли перебил громкий визг. Я даже не сразу поняла, кто это визжит. Неужели та аккуратная барышня?

– Кати! – закричала она и помчалась вниз по ступенькам.

– Машка?! – моё изумление было столь велико, что я застыла на месте.

И только когда она на всём ходу врезалась в меня, обхватывая своими маленькими ручонками, я поверила.

– Машка, это ты? – на глазах выступили слёзы. От счастья. Что мы наконец встретились. Что мы теперь вместе.

Я подхватила её, обняла крепко-крепко, прижалась, вдыхая родной запах, в который теперь вмешивались посторонние нотки взрослого парфюма.

– *Marie, est-ce que les jeunes filles élevées se comportent comme ça?*[6] – рядом вдруг зазвучала французская речь.

Я обернулась. Надежда Фёдоровна недовольно смотрела на мою Марусю. Я не поняла, что она сказала, но Машка сникла и собралась слезать с моих рук.

– Не отпущу, – шепнула ей и прижала ещё крепче, а затем посмотрела на Гедеонову. Может, она и хозяйка усадьбы, но мной и моими девочками командовать она не будет. – Надежда Фёдоровна, это моя дочь Маша, о которой я только что говорила. И я буду очень признательна, если в моём присутствии вы станете говорить с ней исключительно по-русски.

– Благовоспитанная барышня обязана знать французский, чтобы не прослыть провинциалкой, – фыркнула Гедеонова.

---

[6] *– Мари, разве воспитанные барышни так себя ведут?*

– Я не желаю, чтобы моя дочь говорила на языке нелюдей, которые грабят и жгут наши дома, убивают женщин и детей. Кстати, ваш сын сражается с французами. Может быть, не стоит восхвалять их язык хотя бы, пока ему второй раз очищают рану, нанесённую французским снарядом?

Надежда Фёдоровна ахнула и побледнела, схватившись за грудь. Возможно, я была излишне резка. Но я не знала, как иначе обозначить свои границы. С такими женщинами, как госпожа Гедеонова, которые привыкли распоряжаться всем и вся, лучше сделать это сразу. Пусть грубо, зато доходчиво.

Тем не менее, я поставила Марусю на землю, и мы взялись за руки. Василиса стояла чуть поодаль, не решаясь подойти. Поговорю с ней наедине. Думаю, с Надежды Фёдоровны пока хватит потрясений.

– Маш, вы шли гулять?

– Ага, – ответила она, тут же испуганно глянула на Гедеонову и попятилась, прячась за меня.

– Надежда Фёдоровна любезно предложила мне принять ванну с дороги. Может, вы с Василисой погуляете, пока я приведу себя в порядок, а потом встретимся и поговорим?

– Хорошо, Кати, – Машка выпустила мою ладонь, сделала шаг назад и присела в миленьком реверансе.

Гедеонова одобрительно хмыкнула.

Вася воспользовалась тем, что Надежда Фёдоровна на неё не смотрит, и коротко поклонилась мне. Я кивнула, улыбаясь, и прошептала безмолвно, одними губами: «После поговорим». Не знаю, поняла Василиса, что я сказала, или её порадовал сам факт моего внимания. Её губы разошлись в ответной улыбке.

Когда девочки направились по расчищенной дорожке в сторону парка, Гедеонова двинулась к крыльцу. Я пошла с ней.

– Катерина Павловна, – она впервые назвала меня по имени, к тому же запомнила полностью. Неужели больше не будет никаких «милочек», сопровождаемых презрительными взглядами? – Если вы хотите, чтобы Мария, повзрослев, заняла достойное место в обществе и сделала хорошую партию, вы должны уже сейчас позаботиться о её воспитании и образовании. Я уяснила ваше отношение к французскому языку, но он продолжает быть основным средством общения в высшем обществе. Вы же не хотите лишить девочку шанса на достойную жизнь?

– Конечно, не хочу, – Надежда Фёдоровна знала, куда давить.

Несмотря на неприязнь, возникшую с первого взгляда, я не могла не отдать ей должного: Гедеонова была умна и хорошо разбиралась в людях.

– В таком случае позвольте мне заняться образованием Мари, пока вы гостите в Беззаботах.

Стоило мне чуть-чуть приоткрыть дверь, ослабив охрану границ, как Надежда Фёдоровна вставила ногу в образовавшуюся щель. И собиралась расширять её, продвигаясь вглубь моей территории, пока полностью не захватит. Вот уже и Маша снова стала «Мари».

И всё же она была права. Я должна думать о будущем малявки. Гедеонова точно больше меня разбирается в благовоспитанных барышнях. К тому же это только пока мы гостим в Беззаботах.

Надеюсь, это продлится не слишком долго.

– Буду вам очень признательна, Надежда Фёдоровна.

– Вот и прекрасно, – улыбка, расцветающая на лице хозяйки усадьбы, говорила, что этот раунд остался за ней.

Глава 7

Выделенная мне комната была уютной, просторной а, главное – с собственной ванной и горничной Дуней, которая руководила слугами, носившими воду.

Я стояла у окна, смотрела на голые деревья усадебного парка, за которым виднелось то ли озеро, то ли пруд с замёрзшими, покрытыми снегом берегами и широкой полыньёй по центру. Надеюсь, девочкам не придёт в голову проверять крепость льда.

– Госпожа, ванна готова ваша, – горничная прервала тревожные мысли.

– Спасибо, Дуня.

– Велите спинку потереть?

У неё было милое округлое лицо, широко распахнутые голубые глаза и рот, который, открываясь, принимал форму буквы «О». Вся эта её закруглённость, создавала впечатление мягкости и уюта. От неё даже пахло свежеиспечёнными булочками.

– Не надо, сама справлюсь, – я улыбнулась. Дуне хотелось улыбаться. – Однако буду признательна, если найдёшь мне какой-нибудь халат и приведёшь мою одежду в порядок.

– Ага, барыня приказала подобрать вам чистое, – она улыбнулась, будто сама мысль о том, что я буду носить чистую одежду, доставляла ей радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.